

Борис Васильев

Самый последний день

Часть сборника
Не стреляйте белых лебедей
(сборник)

Борис Львович Васильев

Самый последний день

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=650595

Не стреляйте белых лебедей / Борис Васильев: АСТ, Астрель; Москва;

2010

ISBN 978-5-17-063441-5

Аннотация

«— Значит, на пенсию решил, Семен Митрофанович? Не желаешь дождаться шинели цвета маренго?

— И в этой ничего. Привык...

Семен Митрофанович Ковалев стеснялся вести разговоры с молодыми сотрудниками. Они и смеялись не так, и курили не этак, и даже форма на них сидела куда уютнее, чем на нем, хотя он форму свою носил аккурат четверть века...»

Содержание

1	4
2	8
3	17
4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Борис Васильев

Самый последний день

1

– Значит, на пенсию решил, Семен Митрофанович? Не желаешь дожидаться шинели цвета маренго?

– И в этой ничего. Привык...

Семен Митрофанович Ковалев стеснялся вести разговоры с молодыми сотрудниками. Они и смеялись не так, и курили не этак, и даже форма на них сидела куда уютнее, чем на нем, хотя он форму свою носил аккурат четверть века.

Приказ еще не был подписан, но все уже знали, что младший лейтенант Ковалев, выслужив и по годам, и по здоровью полный государственный пенсион, подал рапорт и загодя отправил семью в деревню. Сделал он это по своей воле и вроде бы ни с того ни с сего, что удивило не только сослуживцев по отделению, но и тех в управлении, кто знал Семена Митрофановича. А знали его многие, и даже сам комиссар товарищ Белоконь здоровался с ним за руку и всегда называл только по имени-отчеству.

Семен Митрофанович аккуратно являлся на службу, дисциплинированно, точно ретивый первогодок, слушал инструктаж и делал, что приказывали. Учитывая возраст и ра-

нения, его давно уже освободили от оперативной работы, а поручали дела тонкие – воспитательные или конфликтные. И Семен Митрофанович не обижался, потому что всякому делу положен свой возраст. Кроме того, он умел улаживать ссоры, доводить до добрых слез свихнувшихся девиц и был невозмутим во всех случаях жизни.

Да, в милиции знали про старую дружбу комиссара и Семена Митрофановича, хотя никогда не видели их вместе, и младший лейтенант безропотно тянул свою лямку, не пряча за широкую спину начальника управления. Поначалу сам вызвался в оперативную группу: вязал бандитов, преследовал воров и за пять лет к четырем фронтовым ранениям приплюсовал еще четыре. Последнее было особенно тяжелым: пуля пробила легкое. В госпиталь часто навещался капитан Орлов – зам. начальника. Приносил яблоки да бананы, а перед выпиской сказал:

– Отдохнуть требуется, Семен Митрофанович. Путевку мы обеспечили, а кроме путевки, положен тебе еще месяц. Так, может, тебе с Кавказа прямо к своим, в деревню?

– Да нет, вернуться придется, товарищ капитан, – как всегда, тихо и чуть виновато ответил Ковалев. – Своих-то у меня нет. И пункта рождения тоже нету.

– Как так нету?

– А через него аккурат фронт семь месяцев проходил, товарищ капитан. Так что там и труб не осталось. То есть совсем ничего: просто пустырь с бурьяном, вот ведь какой факт

получается.

Капитан Орлов был упрям и, промолчав в этот раз, в день отъезда подчиненного на курорт сунул не глядя адрес:

– К моим поедешь. Под Новгород.

Семен Митрофанович поехал: зачем же обижать хорошего человека? Местность ему понравилась. С войны здесь все задичало, и на семь сел приходилось полтора мужика. Ковалев охотно чинил старые ходики, менял рамы, перекрывал крыши, подпирал скособоченные избы, делал все, что просили, с удовольствием выпивал стаканчик, но от второго решительно отказывался, потому что очень боялся заночевать в лично отремонтированном хозяйстве. Сделав много доброго, он так никого и не осчастливил, что гордые новгородки объясняли исключительно последствиями ранения. В следующий отпуск Ковалев опять поехал под Новгород и вдруг довел до полного онемения все местное общество, взяв за себя немолодую солдатку с тремя сопливыми сиротами в придачу.

– Ты что, Ковалев, трехнулся? – деликатно спросил лихой капитан Орлов. – Да за тебя любая двадцатилетняя – толечко пальцем помани!..

– Двдцатилетняя – она и без меня не пропадет, товарищ капитан, а тут – детишки. Младшие-то конфет в обертках сроду не видали, вот ведь какой факт получается.

В каких обертках он сам показывал конфеты усыновленным детям, неизвестно, но вздыхать не вздыхал, а настрое-

ние у него вроде не портилось. С комнатой ему помогли, жена уборщицей в интернат пошла, а там – потихонечку да полегонечку – и дети подрастать стали. Теперь их, правда, пятеро уже было.

И вот неожиданно-негаданно младший лейтенант Ковалев решил оставить службу. Сдал рапорт положенным порядком и, пока двигался этот рапорт из кабинета в кабинет, продолжал служить старательно и усердно. И помалкивал. И начальство тоже помалкивало.

В тот день он явился на службу, как всегда, за четверть часа до положенного срока. Доложил дежурному, расписался в книге и, тоже как всегда, пристроился покурить с ребятами из ночной смены. Не просто покурить – разведать новости. И не новости вообще – этого добра он за четверть века в милиции наслушался, навидался и наглотался, – а того лишь, что его касалось. Его участка. Подшефного.

Это были четыре квартала – добрый кусок современных пятиэтажников, несколько чудом уцелевших деревяшек да два раскоряченных несуразных семиэтажных дворца, сооруженных в эпоху архитектурных излишеств. Теперь излишества эти обветшали и уже сыпались на голову, из-за чего над вторыми этажами пришлось соорудить грубую рабочую сеть.

– Из моих домов звонков не было? Насчет магнитофонов там, шумов всяких?

– Нет. Из твоих, Митрофаныч, только один Кукушкин набедокурил: напился, шумел.

Младший лейтенант достал толстую записную книжку и только успел записать про Кукушкина, как дежурный крикнул:

– Митрофаныч! Начальник просит!

Начальник отделения зимой и летом ходил в темных заграничных очках, и Ковалев не любил с ним разговаривать.

Да и как можно любить разговор, когда неизвестно, в какую сторону косится твой собеседник?

– Финиширует ваша служба, – сказал начальник. – Никаких нераскрытых или там незакрытых за вами не числится?

– Никаких нет.

– Тогда могу доложить, что наступает у вас последний парад. Товарищ комиссар Белоконь просит вас, товарищ младший лейтенант, прибыть к нему в 10 часов ноль минут по известному вам рапорту.

Все, казалось бы, уже оставалось за кормой, уже начало отплывать, растворяясь в прошлом, но Ковалев не мог сесть вот так, запросто в служебную «Волгу» и сказать шоферу: «В управление!» Не мог, потому что, несмотря на слова начальника о последнем параде, все еще продолжал служить, каждой клеточкой ощущая себя частицей огромного и очень ответственного аппарата. И поэтому от начальника он прямохонько потопал к дежурному, которому и доложил, что откомандирован в управление для беседы с товарищем комиссаром.

– На «Волге» обязательно хочешь ехать? – спросил дежурный.

– Нет, не обязательно. Все равно.

– А все равно, так будь другом, отконвоируй задержанную. Ребята, понимаешь, все в отпуске: лето.

Задержанной оказалась худая, как воробыха, девчонка лет двадцати с крохотными сережками-слезками в малень-

ких ушах. На грязном – в пятнах помады, потеках туши и грима – лице свежели яркие пятна синяков и злые, неукротимые глазищи. Короткое ситцевое платье было заляпано грязью, в двух местах разорвано: при движении сверкало загорелое тело и наивные розовые трусики.

– В парке нашли, – тихо сказал дежурный. – Били ее трое, а кто – молчит.

– Может, не знает?

– Знает! – отрезал дежурный. – Знает, кто бил и за что, раз на помощь не звала. Наши ведь случайно на них напоролись, и она же первая заорала: «Валера, беги!»

– Задержали кого?

– Нет. Кусты, темень, а тут эта чертовка визжит и кусается. Но обрати внимание: трое, и среди них Валера.

– Это насчет...

– Да, да, ограбление пенсионеров Веткиных. Помнишь, что тогда взяли? Ерунду всякую, мелочь, а бухарский ковер, которому цена пол-«Москвича», не тронули. Почему?

– Тяжело с ковром-то.

– Правильно, Ковалев. А это значит, транспорта у них не было. А женщина, которая той ночью встретила троих с чемоданами, показала, что одного из них другие называли Валерой.

– Ага!

– Вот потому-то мы за эту девчонку и держимся, – сказал дежурный так, будто лично вел следствие. – Это она еще с

ночи психованная, а успокоится – колотиться начнет, что полешко...

В связи с таким поручением младший лейтенант Ковалев отбыл на свидание с комиссаром Белоконом в душном кузове зарешеченного «газика». Влез он в него, когда задержанная уже сидела возле передней решетки, вцепившись в переплет худыми пальцами с обломанными ногтями. Она искося, мельком глянула на него и отвернулась, быстро поправив изорванное платье, чтоб не сверкали трусики. Как ни запрятано было это ее непроизвольное движение, Ковалев отметил его, а отметив, решил непременно доложить об этом следователю: девчонка, которая стесняется старого милиционера, совсем не такая уж распушенная и бывалая, какой из всех сил старается казаться.

– Ну, с этой не заскучаешь! – подмигнул шофер, закрывая за ними дверцу согласно инструкции.

Как положено, младший лейтенант сел сзади, у выхода, где всегда трясло и швыряло. Поэтому он сразу, пока машина еще стояла, поторопился закурить и, прикуривая, опять заметил яростный карий глаз. Протянул пачку:

– Хочешь?

Она живо глянула и рассмеялась:

– «Прибойчиком» угощаете? Тронута, сдвинута, почти опрокинута!..

Ковалев несколько не обиделся: испуганный щенок и хозяина кусает. Спросил заинтересованно:

– Сигареток достать?

Машина еще стояла: шофер балагурил с ребятами, что расходились на посты и объекты. Младший лейтенант застучал, загрохотал ногами. Шофер сразу же открыл, вытаращился:

– Ты чего?

Семен Митрофанович рубль протянул – мог бы, конечно, и мелочь, да не знал, почем нынче сигаретки для девчат.

– Сигареток купи пачку.

– Сигареток? – Шофер похлопал глазами. – Каких сигареток?

– «Советский Союз»!.. – крикнула из угла девчонка. – Я патриотка!..

Шофер обернулся на удивление быстро: видно, и его заинтересовала неукротимая пассажирка. Сунул сигареты и сдачу, шепнул:

– Сорок копеечек, между прочим.

Опять с лязгом закрыл дверь. Семен Митрофанович аккуратно спрятал мелочь в кошелек, протянул сигареты задержанной.

– Не по карману куришь.

– А почему же не курить, если угощают? – спросила девчонка, прикуривая. – Вот даже милиция... не удержалась.

«Газик» тронулся, и, пока шофер неторопливо выруливал на магистральную улицу мимо бесконечных новостроек, младший лейтенант откровенно разглядывал девицу. Раз-

глядывал растрепанные, много раз перекрашенные волосы, дешёвенькое платьице, худые, исцарапанные руки, незащитные плечи, неожиданно элегантные туфельки последней моды. Разглядывал неторопливо, основательно – и думал.

Он умел разговаривать с молодежью не потому, что сообщал что-то новое, и не потому, что никогда не повторял общеизвестного. Умение его, которому поражались даже в управлении, держалось на том, что Ковалев каким-то чудом всегда угадывал, что за человек сидел перед ним. И начинал не беседу вообще, не лекцию, а конкретный и неповторимый разговор, который касался только их двоих. И поэтому сейчас, разглядывая эту худую, некормленную и неухоженную, болезненно напряжённую девочку, он думал о том, что довело ее до этого, какая у нее может быть семья и почему девочка из семьи этой убежала.

– Отец-то давно вас бросил?

По тому, как дернулась девочка, он понял, что попал в точку. Ниточка была в его руках, но, чтобы не оборвать ее, следовало медленно, неторопливо распутать весь клубок. Главное было удивить, и это получилось.

– А у меня он полковник. Летчик-истребитель, – с вызовом сказала она. – Он за каждый полет больше получает, чем вы за три месяца.

– Возможно, – миролюбиво согласился Ковалев. – Только сволочь он, летчик твой, раз маме не дает ни копейки.

Девочка вдруг резко повернулась к нему, странно и зло

ощерившись и сразу став болезненно некрасивой:

– Врете вы все! Думаете, не понимаю, откуда знаете, да? Вы милиция, вы уж всех допросили! Всех!..

Он молчал, дружелюбно и серьезно глядя на нее. Задержанная, выкричавшись, сразу смолкла и снова ухватилась за сигарету. Семен Митрофанович не торопился с разговором, оставляя предложение за нею, потому что дорожил он пока не словами, а интонацией. И еще он знал твердо, что долго она не умолчит.

– Мама... – с непонятым ожесточением сказала вдруг девчонка. – Мама, мамочка.

И опять замолчала, яростно затягиваясь. И младший лейтенант промолчал.

– Думаете, легко девчонкам, которые без отцов? – не глядя, тихо спросила она. – Ну, может, у которых матери – мамы, тем еще ничего, а другим... – Она опять помолчала. – Знаете, сколько нам на производстве платят? Нам, у которых специальности никакой? Только-только на еду да на дорогу и хватает. Но ведь и одеться модно тоже хочется. А у вас на всех один разговор.

– Нет, – сказал Семен Митрофанович. – Нет у нас такого разговора. Обманули тебя.

– А везете куда?

– В управление. Положено так.

Он глядел на ее туфельки: она все двигала ими, под лавку запихивала, прятала. Не случайно, ой, не случайно, а раз так,

то должен в голове ее вертеться один вопрос. И он все время ждал этого вопроса. И дождался.

– Посадят меня?

– Нет, – как можно простодушнее сказал он. – Навряд ли. Туфли, может, и отберут.

Не удивилась, почему туфли отберут. Только вздохнула:

– Что же мне, босиком по городу идти?

– Зачем же брала? Знала ведь, что ворованное.

– Не хотела я брать их. Как чувствовала.

– За это били?

– Нет... – Она вдруг странно поглядела на него, криво усмехнулась. – Влезли в душу и ворочаетесь? И вы такая же сволочь, как все.

И отвернулась. Младший лейтенант закурил новую папиросу и опять терпеливо стал ожидать вопросов. Обычно, правда, он сам вопросы задавал, разговор направляя, но сегодня любая его неточность могла вновь захлопнуть ее чуть приоткрывшееся сердечко, и поэтому Семен Митрофанович предпочел не спешить.

– А что, пистолеты у вас настоящие или так, для форсу кобуры носите? – вдруг не глядя спросила она.

– Самые настоящие, – сказал Ковалев и для достоверности похлопал по пустой кобуре. – Мы без оружия ни на шаг.

– Почему? – Девочка оглянулась.

Ему очень хотелось, чтобы она заулыбалась, и, увидев в глазах ее слабые искорки, он обрадовался:

– Боимся! Страх у нас такой...

– Врете вы все! – Она все-таки улыбнулась и тут же, словно испугавшись, спрятала улыбку.

Машина остановилась, шофер знакомо посигналил, и младший лейтенант догадался, что прибыли и что сейчас после проверки въедут во внутренний двор управления. И впервые за всю службу пожалел, что знакомый путь оказался вдруг таким коротким.

В пустых и гулких коридорах управления девочка вздернула голову, вызываяще зацокала каблуками и стала еще больше похожа на воробыху. Ковалев, поглядывая на нее, все сдерживал улыбку: казалось, девчонка вот-вот суетливо и неунывающе зачирикает, заскачет и взлетит к потолку...

Возле кабинета следователя Хорольского младший лейтенант остановился. Усадил задержанную на стул у двери, погрозил пальцем, чтоб слушалась, одернул тужурку и только после этого постучал. Там что-то крикнули, и Семен Митрофанович открыл дверь:

– Разрешите?

Вошел в кабинет, притворил за собой дверь, отрапортовал, с чем прибыл, и отдал пакет. Хорольский, не глядя на него, разорвал пакет: там лежал заводской пропуск и сопроводительная. Хмурясь, следователь долго читал сопроводительную, а младший лейтенант все так же дисциплинированно стоял у стола.

– Где арестованная?

– Задержанная, – тихо поправил Семен Митрофанович. – Она там, в коридорчике ждет. Я что хотел сказать, товарищ следователь, я хотел сказать, что надо бы ее отпустить. Она сверху только злая, и если к ней подоброму, так она сама же придет потом и все расскажет, вот ведь какой факт получа-

ется. И еще: насчет работы. Может, с комсомолом связаться, чтоб над нею шефство...

– Давайте без советов, а? – недовольно сказал следователь. – Ваше дело – арестованную доставить и расписку получить. Ясно?

– Так точно. Только, похоже, запуталась девушка.

– Введите арестованную.

– Я хотел...

– Введите арестованную!

Ковалев молча вышел, старательно пряча глаза от девочек, а та все ловила и ловила его взгляд, тиская в руках сигареты и спички. За дверью опять что-то прорычали, и Семен Митрофанович так и не успел ничего сказать. Просто приоткрыл дверь и махнул рукой. Следователь не глядя писал что-то за столом, и поэтому Ковалев, кашлянув, рискнул-таки на продолжение очень неприятного для себя разговора:

– Разрешите потом соображения доложить.

– Получите расписку, – не поднимая головы, сказал Хорольский...

Младший лейтенант протопал к столу, взял рваный конверт с подписью следователя, уголком глаза заметил суесящиеся по изодранному платью худые пальцы с обломанными ногтями, сказал негромко:

– Вы все-таки разрешите.

– У меня все, – с явным раздражением прокричал следователь. – Можете идти.

Выйдя из кабинета и тихо притворив за собою дверь, Семен Митрофанович был вынужден сразу же присесть на тот самый стул, где только что сидела девочка. Сердце его вдруг сжало, точно в горячих тисках, а в глазах поплыли неторопливые и веселые цветные шары. «Молодой еще, – расстроено думал он. – Ах молодой, ах горячий: напугает девчонку, озлобит...» Сердце щемило, и воздух никак не хотел пролезать в легкие, как ни пытался Ковалев вздохнуть. Но он все время думал об этой девочке и тревожился и поэтому отсиживаться не стал. Поднявшись по лестнице, он прошел небольшой коридор, застланный толстой дорожкой, и приоткрыл тяжелые двери:

– Можно, Вера Николаевна?

– Семен Митрофанович? Здравствуйте, дорогой!.. Сергей Петрович ждет вас.

– Один там?

– У него полковник Орлов. Да вы проходите, Семен...

– Нет, нет, Вера Николаевна. – Ковалев упрямо затряс головой. – Нет. Зачем же? Я обожду.

Когда-то он служил под началом лихого, безрассудно смелого капитана Орлова. Но время шло, и за двадцать лет капитан вырос до полковника, а он – до младшего лейтенанта. Каждому – своя песня: он на это не сетовал. Но входить, когда старшие работают, не мог.

– Вы к окошечку садитесь, – вдруг тихо сказала Вера Николаевна и поставила стул у раскрытого окна. – Что, Семен

Митрофанович, сердце?

– Не могу сказать, – он пересел к окну и виновато улыбнулся. – Раньше как-то не чувствовал такого факта.

Из-за бесшумной двери вышел Орлов с кожаной папкой в руке. Он мельком глянул на коренастого младшего лейтенанта в тужурке из грубого сукна и вдруг заулыбался, отчего его сосредоточенное лицо сразу стало домашним.

– Митрофаныч!.. – Орлов шагнул к поспешно вставшему Ковалеву, руками надавил на погоны. – Сиди, сиди.

Вера Николаевна, привычно поправив прическу, прошла в кабинет. Орлов присел перед Ковалевым на подоконник, сказал таинственно:

– Хочешь со мной работать?

– Ну какой из меня теперь оперативник? – усмехнулся Семен Митрофанович. – Года уж...

– А я не оперативником, я воспитателем хочу тебя назначить. На курсах оперработников.

Ковалев ответить не успел, так как из кабинета вышла Вера Николаевна и негромко сказала:

– Вас просят, Семен Митрофанович.

Комиссар Белоконь собирал шариковые ручки. Он скупал их в магазинах, получал бандеролями, привозил из командировок и канючил у знакомых. Но гордостью коллекции была очень простая и очень элегантная ручка, привезенная Белоконем из Парижа: когда комиссар был в хорошем настроении, он подписывал бумаги именно этой ручкой. Полковник

Орлов серьезно уверял, что ее подарил комиссару Белоконову сам комиссар Мегрэ: молодежь верила, немея от восхищения.

— Здравия желаю, товарищ комиссар, — сказал Ковалев. И добавил: — Прибыл по вашему приказанию.

— Что-то ты, брат, грозен сегодня, — сказал Сергей Петрович.

— Разрешите доложить, товарищ комиссар, — с неприступной серьезностью продолжал младший лейтенант. — Может плохо произойти, если не доложить.

— Ну, давай, — с неудовольствием вздохнул Белоконов. Ковалев доложил. Комиссар выслушал, нажал клавишу селектора.

— Следователя Хорольского срочно ко мне. С делом... — Он вопросительно посмотрел на Ковалева.

— Об ограблении супругов Веткиных.

— ...об ограблении супругов Веткиных.

— Разрешите выйти, товарищ комиссар. Вы его при мне песочить будете, а это — нарушение.

— Садись! — нахмурился Белоконов. — Мне про этого Хорольского не ты первый докладываешь. Спесив да ретив, а толку — нуль.

Семен Митрофанович покорно вздохнул, но все ж таки сел он так, чтобы Хорольский, в кабинет войдя, его не заметил. Вот, может, потому-то следователь быстренько все комиссару доложил, пока тот дело листал, ловко доложил и да-

же улыбнулся:

– Там у меня, товарищ комиссар, зацепочка сидит. Важная зацепочка: если нажать как следует – вся поколется. И кто ее бил скажет, и за что, и где вещички, что у Веткиных взяли.

– А чем же зацепочка эта зацеплена? – спросил Белоконь. Знал Семен Митрофанович начальника, давно знал, а удивился: до того миролюбиво, спокойно прозвучал вопрос. Хорольский сразу приободрился, потыкал в страницы пальцем:

– Валера – обратите внимание, здесь. И Валера – здесь тоже.

– Поразительно! – сказал начальник. – Пока я читаю, позвоните, пожалуйста, в справочную и попросите девушек подсчитать, сколько в нашем городе Валер.

– Валер?..

– Да, да. Зацепочек.

Комиссар снова ссутулился над листами, старательно разбирая строчки. Хорольский, осторожно прокашлявшись, набрал-таки справочную. Его долго футболили там, в справочной, от стола к столу, он тихо оправдывался, но в тоне его уже не было ни презрительного невнимания, ни иронической покровительственности. «Во учит! – с уважением подумал о комиссаре Ковалев. – Мозги вправляет – будь здоров!..» А комиссар Белоконь невозмутимо изучал «дело». И, поглядывая на него, Хорольский страдал и мучился:

– Ну почему же невозможно? Ну я прошу вас. Лично прошу... По каким признакам? Ну хоть от 16 до 26 лет пока...

Начальник закрыл папку и забарабанил по ней пальцами. Потом снял очки, долго тер усталые глаза.

– Ну, как там зацепочка?

– Сейчас. – Хорольский напряженно слушал, что ему бубнят с другого конца провода. – В общих чертах, конечно... Сколько?.. – И тихо положил трубку.

– Так сколько же «в общих чертах»?

– Что-то там... за двадцать тысяч...

– Прекрасно, – сказал комиссар. – Вот и займитесь: как раз к пенсии и закончите. Если вас с работы не попрут.

– Товарищ комиссар, я полагал бы...

– Полагать буду я. – В голосе Белоконя прозвучало такое стылое железо, что младший лейтенант на всякий случай съежился. – А вы со всей прытью, присущей вам, вернетесь в свой кабинет и от имени милиции принесете девушке извинения. Затем лично проводите ее до выхода из управления, еще раз попросите прощения и улыбнетесь, как заслуженный артист. Понятно?

Хорольский угнетенно кивнул.

– Исполнив это, пройдете к начальнику следственной части и доложите ему, что я приказал не допускать вас до самостоятельной работы вплоть до моего особого распоряжения.

– Товарищ комиссар...

– Может быть, это научит вас ценить советы старших, Хо-

рольский. Идите.

– Есть... – трагическим шепотом сказал Хорольский.

Тут он повернулся и глаз в глаз столкнулся с младшим лейтенантом. Замер, а потом, усмехнувшись, вскинул голову и так и вышел, заставив Ковалева сокрушенно вздохнуть.

– Чего пыхтишь? – недовольно спросил Белоконь. – Сделал доброе дело и стесняешься?

– Наклепал, получается.

– Наклепал?.. А я-то думал, ты слабого защитил и тем самым исполнил свой служебный долг. Ах, Семен Митрофанович, товарищ младший лейтенант, не тем твоя дурь мучается. Двадцать лет прошло, как мы с тобой в милиции служим, дети уж внуков мне надарили, а ты у меня дома так ни разу и не был. Не посетил. А почему? А у тебя на все один ответ: «Не положено». Сделаешь доброе дело и больше всего на свете боишься, что тебе за него спасибо скажут. Так, Семен Митрофанович?

Ковалев не ответил. Он пересел поближе к комиссарскому столу, заставленному ручками, и о чем-то старательно думал. Комиссар улыбнулся ему и достал из папки приказ.

– Уходит в бессрочный отпуск младший лейтенант Ковалев Семен Митрофанович, бабьем руганный, шпаной битый, бандитами стрелянный – покидает пост. Проводы тебе надо бы устроить, а, товарищ младший лейтенант? Торжественные проводы с пионерами.

– Я вот чего думаю, товарищ комиссар, – перебил Семен

Митрофанович вдохновенную речь начальника. – Я думаю, что по справедливости за оскорбление женщины надо бы вдвое, а?.. Или нет, не вдвое даже – впятеро. Обругал женщину плохими словами – три года. Ударил – пять, а то и все десять строгого режима. Потому что, товарищ комиссар, девушку обидеть просто, это как игрушку сломать. А как ей потом, сломанной-то, детишек собственных воспитывать? Как в глаза им глядеть, когда об ее собственную гордость сволота грязная ноги вытерла? Согнуть легко, а распрямиться как? Как ей распрямиться потом, если согнули? Нет, товарищ комиссар, не одинаковые мы с женщинами, и поэтому кодекс надо менять. Надо про охрану женщин, а особо девушек и гордости ихней, отдельные статьи ввести. И поначалу, пока не привыкли, построже! И потом... – Семен Митрофанович вздохнул. – О скидке, может, подумать?

– Какой скидке?

– Ну, чтоб девушкам, которые на производстве хорошо работают, было бы облегчение. Скажем, раз в году сапожки на меху по казенной цене. Или там пальтишко какое.

Комиссар улыбнулся уже от уха до уха, и Ковалев, наткнувшись вдруг на эту улыбку, замолчал и застеснялся.

– Ликург, – сказал Белоконь. – Тебя бы в Верховный Совет.

– А все равно так будет. Не может быть, чтобы так не было.

– Наверно, будет, – вздохнул комиссар. – Кто ее знает, что завтра-то будет. А вот сегодня... Сегодня мне приказ о твоей

отставке подписывать, Семен Митрофанович. Если, конечно, ты не передумал за это время.

– Нет, не передумал, товарищ комиссар. Семью уж в деревню отправил, уж сыновья ждут там. И внученька.

– А ко мне домой зайдешь?

– Зайду, – серьезно пообещал Ковалев. – Как только слушать перестану, так и зайду. Как только прикажете.

– Завтра, – сказал комиссар. – Даю тебе денек на закругление всех дел, а с нуля часов ты, Семен Митрофанович, человек вольный. И поэтому жду я тебя у себя дома завтра к девятнадцати часам. Молодость вспомним?

– Вспомним, товарищ комиссар.

– И бой на Соловьевой переправе в августе сорок первого тоже вспомним... Хотя про это рассказывать мы не будем. Про это, Семен Митрофанович, у меня в доме все знают. Наизусть. – Комиссар взял знаменитую ручку, осмотрел ее, прицелился и еще раз спросил: – Так подписывать?

– Подписывайте, товарищ комиссар.

– Рука свинцом наливается, Сеня, веришь? – вздохнул комиссар. – Словно моя собственная половинка на пенсию уходит...

И размашисто расписался...

Назад Семен Митрофанович возвращался городским транспортом: сперва трамваем, а потом пять остановок автобусом. Транспорт этот ходил плохо, а очередей граждане не соблюдали и кидались все скопом. Вот так час с лишним потолкавшись в трамвае да автобусе, он и прибыл в собственное отделение. Доложил, как положено, что приказ завтрашним днем оформлен, и получил эти последние сутки службы своей в личное распоряжение для закругления дел.

– Акт прощания завтра организуем, – сказал начальник. – Прощание, Семен Митрофанович, – итог службы вашей. Вечер, можно сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.